

Научная статья | Original paper

Об удвоении термина: жизнеспособность и/или резилентность?

Н.Н. Толстых¹ ✉, А.В. Махнач²

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

² Институт психологии Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

✉ tolstyhnn@mgppu.ru

Резюме

Дискутируется проблема употребления в отечественном психологическом дискурсе близких, но не тождественных понятий «жизнеспособность» и «резилентность». Анализируются две сложившиеся традиции использования этих конструктов, приводятся аргументы в пользу предпочтения термина «жизнеспособность», соответствующего как современным тенденциям трактовки содержания термина «resilience» в зарубежных исследованиях, так и традициям отечественной философской и психологической научной мысли. Обсуждаются методологические и методические вопросы инструментария в обсуждаемой области.

Ключевые слова: резилентность, жизнеспособность, диагностика резилентности, диагностика жизнеспособности

Для цитирования: Толстых, Н.Н., Махнач, А.В. (2026). Об удвоении термина: жизнеспособность и/или резилентность? *Социальная психология и общество*, 17(1), 187–198. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170112>

On the doubling of the term: Zhiznesposobnost and / or Resilience

N.N. Tolstykh¹ ✉, A.V. Makhnach²

¹ Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

² Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

✉ tolstyhnn@mgppu.ru

Abstract

This article discusses the use of closely related but distinct concepts in Russian psychological discourse. These concepts have entered the scientific vocabulary as Russian translations of “resilience” – “zhiznesposobnost” or as a tracing from English, “resilientnost”. Two established traditions of using these constructs are analyzed, and arguments are presented in favor of the term “zhiznesposobnost” as consistent with both current trends in interpreting the term “resilience” in international research and the traditions of Russian philosophical and

psychological thoughts. Methodological and methodical issues related to the questionnaires used in this area are discussed.

Keywords: *resilience, zhiznesposobnost, resilience diagnostics, zhiznesposobnost diagnostics*

For citation: Tolstykh, N.N., Makhnach, A.V. (2026). On the doubling of the term: Zhiznesposobnost and / or Resilience. *Social Psychology and Society*, 17(1), 187–198. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170112>

Поводом для написания этих заметок послужила статья О.А. Ульяниной, О.Л. Юрчук, Л.А. Александровой, Е.А. Никифоровой, К.А. Файзуллиной «Семья как ресурс совладания с трудной ситуацией у детей, пострадавших в результате боевых действий», опубликованная в № 4 журнала «Социальная психология и общество» за 2025 год (Ульянина и др., 2025).

В поступившей в журнал рукописи этой статьи авторами использовались два термина: жизнеспособность и резилентность, которые, судя по контексту, имеют одно и то же значение. Для краткости процитируем фрагменты резюме этой статьи: «Цель. Прояснить роль жизнеспособности семьи и индивидуальной резилентности родителей... *Гипотеза.* Жизнеспособность семьи и индивидуальная резилентность родителей являются психологическими ресурсами детей, способствующими успешному совладанию с трудными жизненными ситуациями... *Вывод.* ... жизнеспособность семьи и индивидуальная резилентность родителей являются психологическими ресурсами детей дошкольного и младшего школьного возраста» (Ульянина и др., 2025, с. 127). При этом в переводе на английский язык аннотации и ключевых слов для характеристики и отдельных людей (родителей), и групп (семей) дается один и тот же термин «*resilience*» (соответственно: *individual resilience, family resilience*).

Со стороны редакции, включая и мнение главного редактора, поступило предложение либо оставить один русский термин, либо определить в статье значение каждого из двух использованных. Авторы остановились на втором предложении. В итоге термин «жизнеспособность» оставили для характеристики семьи, а термин «резилентность» — для индивидуальной характеристики родителей детей, пострадавших в результате боевых действий.

Как же аргументируют авторы это удвоение терминов? Какие (как можно было бы предположить, разные) значения вкладывают в содержание этих терминов? Обратимся к тексту статьи: «Индивидуальная резилентность понимается как способность быстрого восстановления после травмы, трагической ситуации, негативных воздействий или угроз. Вслед за Д.А. Леонтьевым (Леонтьев, 2025), — пишут авторы, — в статье использован термин-калька с английского “*resilience*”, так как однозначного перевода этого термина на русский язык нет: в литературе, посвященной данной проблематике, встречаются разные варианты перевода: от жизнестойкости до жизнеспособности. В отличие от индивидуальной резилентности, за термином “*family resilience*” закрепился устойчивый перевод — “жизнеспособность семьи”» (Ульянина и др., 2025, с. 132). Мы видим, таким образом, что авторы не дают какого-то отличного

по содержанию от определения термина резилентность, когда пишут о жизнеспособности семьи. Из сказанного следует, что причиной его использования является просто некая традиция, о которой пишет Д.А. Леонтьев в статье, к которой отсылают авторы.

Для уточнения следует все же сказать, что перевод английского *resilience* как жизнестойкости встречается крайне редко. Это можно объяснить тем, что образованные авторы отличают термин «жизнестойкость» (*hardiness*) от термина «жизнеспособность» (*resilience*) во многом благодаря тому же Д.А. Леонтьеву, который ранее ввел в научный оборот термин «жизнестойкость» (англ. *hardiness*). И этот термин действительно «прижился» в русскоязычном сегменте. Зато нет недостатка в терминах-кальках с английского *resilience*. Как только его не пишут кириллицей! И резилентность, и резильентность, и резилие(я)нтность, и резильянс. Эти термины-кальки в больших количествах встречаются как в психологических, так и в педагогических русскоязычных текстах, причем в одном и том же значении. Д.А. Леонтьев в упомянутой выше статье предлагает ввести в оборот именно слово «резилентность», чтобы уйти от множественности переводов соответствующего английского слова, которое, как он пишет, переводят как упругость, стойкость, устойчивость, жизнеспособность, жизнестойкость. Обоснование такого предпочтения не кажется нам убедительным.

Если говорить о традиции или традициях, то следует, видимо, начать с традиции использования термина *resilience* в англоязычной литературе, откуда он и был заимствован отечественными пси-

хологами. Впервые термин *resilience* использовала М. Сквилл в 1942 г., анализируя работу сотрудников социальных служб, вывозивших детей из английских городов в деревни, чтобы спасти от бомбежек фашистской авиации (Scoville, 1942). Позже Дж. Вэйлант в 1993 г. предложил образное сравнение *resilience* у людей со «свежими веточками на живом основном корне. Когда их сгибают, такие ветки изгибаются, но не ломаются, а выпрямляются обратно и **продолжают расти**» (Vaillant, 1993, с. 285). В этой цитате нами выделены курсивом слова, важные, с нашей точки зрения, для дальнейшего разговора.

С тех пор в англоязычной литературе не заканчиваются дискуссии о значении термина *resilience*. Синхронно нашей статье, нацеленной на полемику в связи с обозначенной в заголовке проблемой, в *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma* (Taylor & Francis) в 2025 г. вышел тематический номер, посвященный методологическим инновациям, этапам развития концепта *resilience* и его современным прочтениям. Наиболее популярные концепты *resilience* в психологии приравнивают его к способности: 1) противостоять негативному влиянию стрессовых факторов, 2) «восстанавливаться» после стресса и/или 3) развиваться благодаря воздействию стрессовых факторов (Hill et al., 2025). Авторы рассматривают эти три концепта *resilience*, утверждая, что они отражают разное содержание этого понятия. Исторически общую динамику активного научного использования на протяжении почти полувека *resilience* можно описать так: от понимания термина *resilience* как **черты** характера к его трактовке как динами-

ческой способности человека не только к восстановлению, но и **последующему развитию** — вспомним о продолжающихся расти веточках Дж. Вейланта. И это принципиальное изменение в концептуализации понятия по сравнению с первоначальной его трактовкой как черты характера способно продвинуть область исследований вперед и добавить новые, ценные результаты (Hill et al., 2025). Для многих российских психологов эта принципиальная трансформация понятия **от черты к процессу**, произошедшая в начале XXI века, осталась незамеченной.

В отечественной психологии к сегодняшнему дню сложились две традиции перевода и, соответственно, трактовки содержания термина *resilience*, и вовсе не в логике использовать перевод «резилентность» для оценки характера/личности отдельного человека, а перевод «жизнеспособность» — для оценки семьи или других социальных групп (школы, организации и т.п.).

Перевод *resilience* как жизнеспособности в отечественной психологической литературе был предложен в начале 2000-х гг. (Makhnach, Laktionova, 2005; Махнач, 2006). Выбор этого русского слова произошел во многом благодаря работам российских философов, историков, физиологов (Б.Г. Ананьев, А.С. Ахиезер, А.А. Богданов, И.П. Павлов, О.С. Разумовский, Н.Ф. Реймерс, М.Ю. Хазов, И.И. Шмальгаузен и др.), которые подчеркивали **развитие** как необходимую характеристику жизни человека, либо употребляя сам термин «жизнеспособность» в близком современному его пониманию, как это сделал, например, Б.Г. Ананьев, либо анализируя соответствующую феноменологию с использова-

нием других слов (Махнач, 2012). Именно следуя работам российских ученых, А.В. Махначем и была предложена не калька с английского «резилиенс» (или какие-либо иные варианты написания этого слова), а наполненное жизненным смыслом понятие «жизнеспособность» как способность человека жить.

На конференции «Методологические и контекстуальные вызовы в изучении *resilience* детей» (Methodological and contextual challenges researching childhood resilience), Университет Далхузи, Галифакс, Канада (13–16.03.2003) в докладе А.В. Махнача «Проблемы изучения жизнеспособности в России» был предложен для термина *resilience* перевод «жизнеспособность». Позже он стал использоваться во многих отечественных психологических исследованиях как наиболее точно концептуализирующий тот подход к изучению феноменологии этого понятия, который сложился в западной психологии к началу XXI века. В этой традиции за термином «жизнеспособность» закрепилось следующее содержание: «Способность человека к преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств с возможностью восстанавливаться и использовать для этого все возможные внутренние и внешние ресурсы, способности к жизни во всех ее проявлениях, базирующейся на воле к жизни» (Махнач, 2012, с. 92). Если на начальном этапе становления этой традиции жизнеспособность анализировалась применительно к индивиду, то позднее были проведены исследования жизнеспособности семьи и других социальных групп. Теоретические, эмпирические и прикладные исследования понятия и феномена жизнеспособности отразились

во внушительном количестве исследований. С 2014 по 2025 гг. в РИНЦ отражена 481 публикация по проблемам жизнеспособности человека, семьи, организации и т.п. Упомянем некоторые из них (Васильева, 2021; Кузьмина, 2025; Махнач, Толстых, 2018; Ступак, Капустина, 2025; Площева, 2023). Проблемам жизнеспособности посвящены ряд защищенных в последние годы докторских диссертаций (Котовская, 2023; Лактионова, 2025; Нестерова, 2011; Паатова, 2018; Рыльская, 2014 и др.).

Другая сложившаяся в отечественной психологии традиция базируется на переводе-кальке — «резилентность» в разных вариантах написания (резильентность, резилиентность, резилиантность, резильянс, резильенс, резилиенс, резилианс и т.п.). Понятие «резилентность» становится популярным и даже модным, что и отражается в большом количестве исследований с ключевыми словами — версиями слова «резилентность». По базе РИНЦ в сопоставимый период с 2014 по 2025 гг. их насчитывается около 250.

Начиная с 2010-х гг. этот неопределяемый и как бы само собой разумеющийся термин широко распространился в педагогических науках с различными коннотациями: резилентность социальная, школьная, академическая, учительская, образовательная, психологическая, ментальная, личностная (личная), эмоциональная, культурная, экономическая, территориальная, институциональная, региональная, оперативная. С резилентностью соотнесены множество предметов исследования: технологии, методики (уровни, этапы, условия) развития, предикторы, факторы формирования, компоненты, показатели, поведение, ано-

малии, измерение/оценка, индекс(ы), повышение, модели, персонификация, функции, профилактический потенциал, предпосылки, экосистемы, результаты, социальная работа, бизнес, школьная администрация и даже резилиенс-гимнастика (диагностика, диета, менеджмент). Специально подчеркнем, что в рамках этой традиции речь первоначально шла о разного рода социальных и экономических системах, социальных группах и организациях (школы, системы государственного управления, города, территории), а не об отдельных индивидах. Сказанное прямо противоречит тому, что мы читаем в статье О.А. Ульяниной с соавт.: «В отличие от индивидуальной резилентности, — пишут они со ссылкой на упомянутую статью Д.А. Леонтьева, — за термином “*family resilience*” закрепился устойчивый перевод — “жизнеспособность семьи”» (Ульянина и др., 2025, с. 132). В своей работе Д.А. Леонтьев прямо не пишет, что следует использовать термин «резилентность» для характеристики отдельного человека, хотя из контекста статьи, посвященной проблемам копинга/совладания, посттравматического роста и т.п., ясно, что термин соотносим им именно с индивидом, а не семьей или иной социальной группой.

Но дело в данном случае даже не в том, с чем соотносить термин «резилентность», а в том, как Д.А. Леонтьев его трактует. «Понятие резилентности, — пишет он, — по сути феноменологическое, оно обозначает скорее наблюдаемый результат, чем теоретически постулируемые процессы и механизмы, поэтому оно хорошо подходит на роль обобщающего понятия, охватывающего разные аспекты и уровни *сохранения* и

восстановления целостности. При этом если столь же обобщенное понятие овладения делает упор на процессах, разворачивающихся в соответствующей ситуации, то понятие резилентности подчеркивает **результат**, не уделяя большого внимания способам его достижения» (Леонтьев, 2025, с. 9). Мы выделили курсивом слова из цитаты, чтобы подчеркнуть приверженность автора к устаревшему взгляду на *resilience* как на фиксацию возвращения индивида к исходному состоянию. Как было отмечено выше, к началу нового века научный мир пришел к иному пониманию *resilience* — как термину, определяющему процессы и динамику не просто через восстановление после некоего травмирующего воздействия, но путем дальнейшего развития индивида/субъекта/личности. И в этом контексте, с нашей точки зрения, более точным является термин «жизнеспособность».

Обратимся здесь же к этимологии слов «*resilience*» и «жизнеспособность». Семантически *resilience* (от лат. *re* — назад, *salire* — прыгать/скакать) означает «отскакивать назад», что акцентирует в значении термина *resilience* **реактивность**, тогда как «жизнеспособность» подчеркивает **проактивность** и развитие человека, внося в содержание понятия динамичность и изменчивость (Махнач, 2012). Заметим, кстати, принципиальное различие в двухкоренных терминах «жизнестойкость» и «жизнеспособность», которые нередко путают. Обратим внимание на вторые корневые семьи этих слов: они в первом случае указывают на «стоять», а во втором — на «жить», что не одно и то же. Как известно, первоначально термин *resilience*

использовался для характеристики неживых объектов, в частности металлических конструкций, способных выдерживать нагрузки, оставаясь неизменными. Но для живого организма жизнеспособность — способность жить — означает постоянный рост, изменение, развитие.

В конце концов, выбор традиции — использовать термин «жизнеспособность» или любую из калек с английского «*resilience*» — дело каждого исследователя. Неточность понимания содержания и, соответственно, применения понятия «резилентность» может, однако, приводить к неожиданным следствиям. Например, один из авторов объясняет «резилентность» через понятие «жизнеспособность», что еще больше усложняет понимание сути как первого, так и второго понятия: «*Резилентность* отражает *жизнеспособность* субъекта в условиях возникающих затруднений, готовность преодолевать препятствия, способность противостоять препятствиям на пути достижения цели» (Райхельгауз, 2020, с. 33).

Проблема, с нашей точки зрения, особенно остро встает в том случае, когда оба эти термина использованы в одной и той же публикации, что и имеет место в статье О.А. Ульяниной с соавт. (2025). Думается, одной из причин этой «встречи» является использование двух методик, одна из которых имеет название «Шкала оценки жизнеспособности семьи» (FRAS-RII) (Гусарова и др., 2024) и применяется для оценки семьи, а вторая — «Краткая шкала резилентности» (Маркова и др., 2022) — для оценки каждого из родителей ребенка, пережившего травматический опыт.

На вопросе использования в исследованиях методик психодиагностики жизнеспособности/резилентности стоит остановиться отдельно. Подавляющее большинство русскоязычных методик представляют собой адаптацию зарубежных опросников. В оригинале все они были направлены на диагностику *resilience* у детей, подростков, взрослых, семей, групп и коллективов. Вместе с тем в процессе перевода и адаптации какие-то из них рассматриваются авторами этих адаптаций направленными на диагностику жизнеспособности, а какие-то — резилентности. При этом никакого объяснения выбора того или иного термина обычно не приводится. Важный момент состоит в том, что оригиналы переводимых методик были взяты из исследований, проведенных в разных теоретических контекстах и на разных временных этапах разработки концепта *resilience*.

Среди тестов, созданных для измерения *resilience* и использующих в названии слова «резилентность» или «устойчивость», валидизацию на российской выборке прошли немногие: «Краткая шкала резилентности» (Brief Resilience Scale, BRS) Б. Смита и его коллег (Маркова и др., 2022), краткий вариант опросника «Шкала оценки резилентности» К. Коннор и Дж. Дэвидсона (10-item Connor–Davidson Resilience Scale) (Nartova-Bochaver et al., 2021). Была также переведена на русский язык «The Ego Resiliency Scale Revised; ER89-R» Дж. Блока и А. Кремена, названная «Шкалой устойчивости личности» (Denovan et al., 2022). Все эти методики в оригинале были созданы во времена, когда *resilience* рассматривалась как черта личности.

Методика «The Academic Resilience Scale; ARS-30» С. Кэссиди была валидизирована дважды, в одном случае получив название «Шкала академической резилентности» (Звягинцев, 2021), в другом — «Шкала академической жизнеспособности» (Постылякова, 2021). Ряд переводных методик содержат в названии слово «жизнеспособность»: «Шкала факторов жизнеспособности» (Куфтяк, 2017), тест «Жизнеспособность детей и молодежи» (Лактионова, Махнач, 2007).

Наконец, в последние годы российскими психологами были разработаны оригинальные авторские методики диагностики жизнеспособности: методика «Жизнеспособность личности» (Нестерова, 2017), «Тест жизнеспособности человека» (Рыльская, 2016), методика «Жизнеспособность специалиста экстремальной профессии» (Котовская, 2023), тест «Жизнеспособность взрослого человека» (Махнач, 2012). Во всех этих методиках термин «жизнеспособность» использован не случайно, а с опорой на современное его понимание как способности жить, развиваться, несмотря на неблагоприятные обстоятельства. Кстати, ничего подобного в традиции использования «резилентности» сделано не было.

Подводя краткий итог, еще раз акцентируем нашу позицию: мы считаем целесообразным на современном этапе научной разработки проблематики жизнеспособности/резилентности использовать первый из этих терминов не только как более теоретически проработанный, но и как идущий в русле мировой тенденции трактовки термина *resilience*. Идею соотносить резилент-

ность с индивидом/субъектом/личностью, а жизнеспособность — с семьей или иными социальными группами полагаем теоретически необоснованной, непродуктивной и даже вредной. Почему бы не договориться о едином русском термине, как это произошло с термином «жизнестойкость»? Никому же в голову не приходит использовать кальку этого понятия с английского — «хардинесность» или «хардинес»: хардинесность личности, проявление хардинеса в семейной жизни!

Считаем также важным подчеркнуть необходимость серьезного подхода к выбору исследовательского инструментария с учетом сказанного выше о содержании терминов «жизнеспособность» и «резилентность». Имеющиеся методики не только по-разному

называются, но и оценивают разное. Если англоязычные оригинальные методики оценки *resilience* как свойства характера/личности были разработаны до 2000-х гг. (а именно такие методики легли в основу адаптации их для русскоязычной выборки со словом «резилентность» в названии), то они и нацелены на диагностику *resilience*/резилентности как черты личности. Те методики, которые были созданы уже в новом веке как зарубежными, так и отечественными исследователями, в особенности специально разработанные для изучения жизнеспособности, направлены на оценку *resilience*/жизнеспособности не как черты личности, а как значительно более широко понимаемого социально-психологического феномена.

Список источников / References

1. Васильева, С.Н. (2021). Методология и структура тренинга развития жизнеспособности студентов. *Вестник Омского университета. Серия: Психология*, 1, 40–49. <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2021.1.40-49>
Vasilyeva, S.N. (2021). Methodology and structure of training for the development of students' resilience. *Bulletin of Omsk University. Series: Psychology*, 1, 40–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2021.1.40-49>
2. Гусарова, Е.С., Одинцова, М.А., Козырева, Н.В., Кузьмина, Е.И. (2024). «Шкала оценки жизнеспособности семьи» (FRAS-RII): новая версия. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 21(1), 8–31. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2024-1-8-31>
Gusarova, E.S., Odintsova, M.A., Kozyreva, N.V., Kuzmina, E.I. (2024). “Family Resilience Assessment Scale” (FRAS-RII): new version. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 21(1), 8–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2024-1-8-31>
3. Звягинцев, Р.С. (2021). Личностные характеристики учащихся резильентных и неблагополучных школ: разные дети или разные школы. *Вопросы образования*, 3, 33–61. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-33-61>
Zvyagintsev, R.S. (2021). Personality characteristics of students in resilient and disadvantaged schools: different children or different schools. *Educational Issues*, 3, 33–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-33-61>
4. Котовская, С.В. (2023). *Жизнеспособность специалиста экстремальной профессии как системное образование*: Дис. ... д-ра психол. наук. РГПУ им. А.И. Герцена. СПб.

- Kotovskaya, S.V. (2023). *Resilience of a specialist in an extreme profession as a systemic formation*. Diss. Dr. Sci. (Psychol.)._Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. St. Petersburg. (In Russ.).
5. Кузьмина, А.С. (2025). Взаимосвязь жизнеспособности и психологического благополучия у женщин с угрозой прерывания беременности. *Аутизм и нарушения развития*, 23(4), 15–22. <https://doi.org/10.17759/autdd.2025230402>
- Kuzmina, A.S. (2025). The relationship between resilience and psychological well-being in women with the threat of termination of pregnancy. *Autism and Developmental Disorders*, 23(4), 15–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/autdd.2025230402>
6. Куфтяк, Е.В. (2017). Адаптация методики оценки факторов жизнеспособности. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*, 2(3), 140–154.
- Kuftyak, E.V. (2017). Adaptation of the methodology for assessing resilience factors. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology*, 2(3), 140–154. (In Russ.).
7. Лактионова, А.И. (2025). *Жизнеспособность человека в разные возрастные периоды*: Дис. ... д-ра психол. наук. Институт психологии РАН. М.
- Laktionova, A.I. (2025). *Human resilience at different age periods*: Diss. Dr. Sci. (Psychol.). Institute of Psychology RAS. Moscow. (In Russ.).
8. Лактионова, А.И., Махнач, А.В. (2007). Влияние факторов жизнеспособности на социальную адаптацию подростков. В: Л.Ф. Обухова, Е.Г. Юдина (Ред.), *Ребенок в современном обществе. Сборник научных статей* (с. 184–191). М.: МГППУ.
- Laktionova, A.I., Makhnach, A.V. (2007). The influence of resilience factors on the social adaptation of adolescents. In: L.F. Obukhova, E.G. Yudina (Eds.), *The Child in Modern Society. A Collection of Scientific Articles* (pp. 184–191). Moscow: MSUPE. (In Russ.).
9. Леонтьев, Д.А. (2025). Совладание в контексте саморегуляции. Часть 1. Концептуальные проблемы и вызовы. *Психологический журнал*, 46(1), 5–13. <https://doi.org/10.31857/S02059592250100>
- Leontiev, D.A. (2025). Coping (sovladanie) in the context of self-regulation. Part 1. Conceptual problems and challenges. *Psychological Journal*, 46(1), 5–13. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S0205959225010014>
10. Маркова, В.И., Александрова, Л.А., Золотарева, А.А. (2022). Русскоязычная версия краткой шкалы резилентности: психометрический анализ на примере выборок студентов, многодетных родителей и родителей детей с инвалидностью. *Национальный психологический журнал*, 45(1), 65–75. <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0106>
- Markova, V.I., Aleksandrova, L.A., Zolotareva, A.A. (2022). The Russian version of the Brief Resilience Scale: The psychometric analysis on the example of samples of students, parents with many children and parents of disabled children. *National Psychological Journal*, 45(1), 65–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0106>
11. Махнач, А.В. (2006). Международная конференция по проблемам жизнеспособности детей и подростков. *Психологический журнал*, 27(2), 131–132.
- Makhnach, A.V. (2006). International conference on the problems of children and adolescents resilience. *Psychological Journal*, 27(2), 131–132. (In Russ.).
12. Махнач, А.В. (2012). Жизнеспособность как междисциплинарное понятие. *Психологический журнал*, 33(6), 84–98.

- Makhnach, A.V. (2012). Resilience as an interdisciplinary notion. *Psychological Journal*, 33(6), 84–98. (In Russ.).
13. Махнач, А.В., Толстых, Н.Н. (2018). Жизнеспособность как характеристика социальной группы кандидатов в замещающие родители. *Социальная психология и общество*, 9(2), 127–149. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090209>
Makhnach, A.V., Tolstykh, N.N. (2018). Resilience as a characteristic of a social group of candidates for foster parents. *Social Psychology and Society*, 9(2), 127–149. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2018090209>
14. Нестерова, А.А. (2011). *Социально-психологическая концепция жизнеспособности молодежи в ситуации потери работы*: Дис. ... д-ра психол. наук. Российский гос. социальный ун-т. М.
Nesterova, A.A. (2011). *Social and psychological concept of youth resilience in the situation of job loss*: Diss. Dr. Sci. (Psychol). Russian State Social University. Moscow. (In Russ.).
15. Паатова, М.Э. (2019). *Концепция формирования социально-личностной жизнеспособности подростков с девиантным поведением в специальных образовательных организациях закрытого типа*: дис. ... д-ра пед. наук. Адыгейский государственный университет. Майкоп.
Paatova, M.E. (2019). *The formation of the concept of social and personal resilience of adolescents with deviant behavior in special educational closed-type organizations*: Diss. Dr. Sci. (Pedagogy). Adyghe State University. Maykop. (In Russ.).
16. Плющева, О.А. (2023). Роль супервизии в повышении профессиональной жизнеспособности. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*, 8(2), 86–119. https://doi.org/10.38098/ipran.opwp_2023_27_2_004
Plyushcheva, O.A. (2023). The role of supervision in improving professional resilience. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor*, 8(2), 86–119. (In Russ.). https://doi.org/10.38098/ipran.opwp_2023_27_2_004
17. Постылякова, Ю.В. (2021). Адаптация шкалы академической жизнеспособности (ARS-30) С. Кэссиди на русскоязычной выборке. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*, 6(2), 74–98. https://doi.org/10.38098/ipran.opwp_2021_19_2_004
Postylyakova, Yu.V. (2021). Russian validation of the Academic Resilience Scale (ARS-30) by S. Cassidy. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology*, 6(2), 74–98. (In Russ.). https://doi.org/10.38098/ipran.opwp_2021_19_2_004
18. Райхельгауз, Л.Б. (2020). Дефинитивный анализ понятия «академическая резильентность». *Ярославский педагогический вестник*, 3(114), 32–40. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-3-114-32-40>
Raikhelgauz, L.B. (2020). Definitive analysis of the concept of “Academic Resilience”. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 3(114), 32–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-3-114-32-40>
19. Рыльская, Е.А. (2014). *Психология жизнеспособности человека*: Дис. ... д-ра психол. наук. Ярославский гос. пед. ун-т. Ярославль.
Rylskaya, E.A. (2014). *Psychology of human resilience*: Diss. Dr. Sci. (Psychol.). Yaroslavl State Pedagogical University. Yaroslavl. (In Russ.).
20. Ступак, Е.В., Капустина, В.А. (2025). Взаимосвязь жизнеспособности семьи с характеристиками супружеских отношений в семьях с детьми. *International Journal of Advanced Studies in Education and Sociology*, 8(1), 20–32. <https://doi.org/10.12731/iJASES266>

- Stupak, E.V., Kapustina, V.A. (2025). The relationship between family resilience and characteristics of marital relations in families with children. *International Journal of Advanced Studies in Education and Sociology*, 8(1), 20–32. (In Russ.). <https://doi.org/10.12731/iJASES266>
21. Ульянина, О.А., Юрчук, О.Л., Александрова, Л.А., Никифорова, Е.А., Файзуллина, К.А. (2025). Семья как ресурс совладания с трудной жизненной ситуацией у детей, пострадавших в результате боевых действий. *Социальная психология и общество*, 16(4), 127–147. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160408>
- Ulyanina, O.A., Yurchuk, O.L., Alexandrova, L.A., Nikiforova, E.A., Fayzullina, K.A. (2025). Family as a resource for overcoming difficult life situations in children affected by hostilities. *Social Psychology and Society*, 16(4), 127–147. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160408>
22. Denovan, A., Drinkwater, K., Dagnall, N., Hill-Artamonova, E., Musienko, T.V. (2022). Confirmatory factor analysis and Rasch analysis of the Russian version of the Ego Resiliency Scale revised. *National Security and Strategic Planning*, 1, 82–96. <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2022-1-82-96>
23. Hill, Y., Dolezal, M.L., Nordbeck, P.C., Den Hartigh, R.J.R., Pincus, D., Kiefer, A.W., Ricca, B.P. (2025). Moving from traits to the dynamic process: The next steps in research on human resilience. *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*, 34(7), 971–989. <https://doi.org/10.1080/10926771.2024.2431733>
24. *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma* (2025), 34(7). <https://www.tandfonline.com/toc/wamt20/34/7>
25. Makhnach, A., Laktionova, A. (2005). Social and cultural roots of Russian youth resilience: Interventions by the state, society, and the family. In: M. Ungar (Ed.). *Handbook for working with children and youth. Pathways to Resilience across cultures and contexts*, (pp. 371–386). Thousand Oaks: Sage. <https://doi.org/10.4135/9781412976312.n23>
26. Nartova-Bochaver, S., Korneev, A., Bochaver, K. (2021). Validation of the 10-Item Connor–Davidson Resilience Scale: The case of Russian youth. *Frontiers in Psychiatry*, 12, 611026. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2021.611026>
27. Scoville, M.C. (1942). Wartime tasks of psychiatric social workers in Great Britain. *American Journal of Psychiatry*, 99(3), 358–363. <https://doi.org/10.1176/ajp.99.3.358>
28. Vaillant, G.E. (1993). *The wisdom of the Ego: Sources of resilience in adult life*. Cambridge: Harvard University Press.

Информация об авторах

Наталья Николаевна Толстых, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Социальная психология развития» факультета социальной психологии, главный редактор журнала «Социальная психология и общество», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: tolstykhnn@mgppu.ru

Александр Валентинович Махнач, доктор психологических наук, член-корреспондент Российской академии образования, заместитель директора по научной работе, Институт психологии Российской академии наук (ФГБун ИП РАН), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Толстых Н.Н., Махнач А.В. (2026)
Об удвоении термина: жизнеспособность
и/или резилентность?
Социальная психология и общество,
17(1), 187–198.

Tolstykh N.N., Makhnach A.V. (2026)
On the doubling of the term:
Zhiznesposobnost and / or Resilience
Social Psychology and Society,
17(1), 187–198.

Information about the authors

Nataliia N. Tolstykh, Doctor of Science (Psychology), Head of the Department of Social Psychology of Development, Faculty of Social Psychology, Editor-in-chief of the journal “Social Psychology and Society”, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: tolstykhnn@mgppu.ru

Alexander V. Makhnach, Doctor of Science (Psychology), Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Deputy Director for Research, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Вклад авторов

Авторы приняли равное участие в обсуждении и подготовке текста.

Contribution of the authors

The authors took equal part in the discussion and preparation of the text.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 05.03.2026
Поступила после рецензирования 05.03.2026
Принята к публикации 19.03.2026
Опубликована 30.03.2026

Received 2026.03.05
Revised 2026.03.05
Accepted 2026.03.19
Published 2026.03.30